

Соб. переписка — 1955 — 1990 — в 3.

Обида плохой советчик

Уважаемый Александр Яковлевич!

«Советские газеты хранят молчание». Вы, конечно, уже читали этот заголовок в торонтской «Глоб энд мэйл»? Речь идет о Вашем фильме «Комиссар». Какое же тут молчание! — могли бы воскликнуть Вы, человек, так пострадавший от произвола и несправедливости и потому особенно к ним чуткий. Какое может быть молчание, если «Комиссару» уже посвятили восторженные строки и целые статьи «Известия» и «Неделя», «Советская Россия» и «Вечерняя Москва», «Советский фильм» и «Советский экран», «Искусство кино» и «Московская правда», «Московские новости» (трижды!) и рижское «Кино», «Московский комсомолец», «Досуг в Москве» и даже «Киномеханик»... И это задолго до выхода картины в прокат! Какое ж молчание, если только «Советская культура» раз восемь возвращалась к «Комиссару», скрупулезно отмечая его международные успехи, если дала под рубрикой «Спектр мнений» рецензии сразу нескольких критиков, если напечатала страстную статью Евтушенко!

И теперь канадская газета пишет о травле и замалчивании, которые, невзирая на перестройку, продолжают.

Нет оснований винить канадских репортеров в натяжках и неточностях. Они добросовестно повторяют Ваши, Александр Яковлевич, слова, сказанные на пресс-конференции в Торонто. Я был на той пресс-конференции и узнал там немало нового о Ваших коллегах по кино, о наших газетах, о «Советской культуре», которой почему-то особенно достается от Вас.

Формулировки, которые Вы употребляете, своему виртуозны, они как бы сообщают некую многозначительную информацию и одновременно ее как бы не сообщают. Вот одна из них, к примеру, о «Советской культуре». «Я не постеснялся», — сказали Вы в Торонто, — пересчитал, в статье о западноберлинском фестивале было перечислено 18 фамилий режиссеров, моя фамилия не была даже упомянута». Вышло, что в «Советской культуре» ухитрились не заметить фильм, получивший один из призов. Вы ведь одновременно забыли сообщить журналистам, что фильму «Комиссар» и его успеху на фестивале в этой статье В. Кеворкова была отдана почти колонка текста. Ваша фамилия действительно не названа, в статье вообще названо мало режиссерских имен. Я тоже не постеснялся, пересчитал, получилось не 18, как Вы сказали в Торонто, и даже не 15, как Вы сказали в Сан-Франциско, а всего семь, что, Вы правы, не говорит о высокой культуре публикации. Но Вы забыли и то сообщить журналистам, что неделей раньше, 25 февраля 1988 года, «Советская культура» уже информировала читателей о том, что режиссер фильма «Комиссар» А. Аскольдов получил «Серебряного медведя». Так что упрекать в последовательном замалчивании Вашего имени газету, которая уже не раз посвящала Вам персонально прочувствованные строки, было бы, согласитесь, крайне несправедливо. Тем бо-

лее что в дальнейшем мы неизменно и почтиительно называли имя автора фильма. А в августе напечатали и интервью с Вами.

Так, увы, создают легенды.

Еще когда фильм был наглухо закрыт и о нем почти невозможно было говорить в печати, ваш покорный слуга писал в той же «Советской культуре»: «Ждет решения своей судьбы выдающаяся, на мой взгляд, работа А. Аскольдова «Комиссар». И далее — о плеяде художников, вместе с Вами искусственно выключенных из кинопроцесса и способных сделать еще много важного, нужного народу и истории. Было это напечатано в мае 1987 года, задолго до Московского кинофестиваля, где Вы, как можно понять из ваших интервью, сражались за свою картину в совершенном одиночестве.

Вы говорили в Торонто о том, что фильм замалчивает Центральное телевидение. И мне хотелось ушипнуть себя — неужто мне померещились на телеэкране в Москве кадры Вашего фильма с чрезвычайно доброжелательным комментарием секретаря правления Союза кинематографистов В. Демина? А интервью с Вами, которое вел А. Плахов?

Вы утверждали, что международный успех «Комиссара» тщательно скрывается от общественности. И мне снова хотелось прервать сей сон — ведь уже читал про западноберлинский триумф, более того, сам радостно передавал в Москву информацию о триумфе «Комиссара» в Монреале. А потом, если уж быть совсем точным, появилась еще и специальная заметка под заголовком «Комиссар» в Торонто».

К моменту выхода фильма в прокат полтора десятка центральных изданий написали о Вашей картине. Понимаю, этой цифрой трудно поразить воображение. Но это проблема всей нашей кино-критики, а вовсе не вашего фильма. Исчезло у нас текущее рецензирование, многие фильмы вообще проходят незамеченными. Вашему еще повезло, он стал одним из рекордсменов, прямо-таки бальном прессы, по нашим аскетическим понятиям. По числу публикаций его обошло, кажется, только «Покаяние».

И телевидение наше не только по отношению к Вам скупое — оно вообще редко рассказывает о том, как успешно или неуспешно идут наши фильмы за рубежом. Вы этого не можете не знать. Зачем же тогда так оборачивать дело, будто это Вы персонально ходите в пасынках, что это продолжение давней травли?

Теперь фильм Ваш в прокате. Будут, наверное, и новые рецензии. Он не вызвал в публике ожидаемого ажиотажа. Но здесь, мне кажется, тоже нет зловредной руки «коррумпированных художников», которым «не нравится, когда у картины успех», нет подрывной деятельности «новых руководителей Союза кинематографистов», которые «состязаются в самоутверждении» — вновь цитирую Ваши пресс-конференции. Просто фильм кому-то оказался интересен, кому-то нет. Что, по-моему, нормально. Ненормально — это когда успех ху-

дожественный подменяется успехом скандальным, чего чиновники, усердно запрещавшие фильм в течение 20 лет, несомненно, добились. Ведь западная печать, как легко заметить, гораздо больше наэлектризована Вашей действительно драматичной судьбой, чем категориями художественными. Это объяснимо. Вашу горечь разделяют не только за рубежом, но и ваши соотечественники — коллеги, и критики, и даже те, кому фильм не близок.

Вы как будто признаете право людей иметь разные мнения. «Я не требую триумфального отношения, критика имеет право высказывать разные суждения», — говорите Вы, по свидетельству парижской «Русской мысли», на пресс-конференции в Сан-Франциско. И тут же крайне язвительно говорите об... Э. Климове, напоминаете западным журналистам о том, что не с Климова начинался советский кинематограф, с легкой, но едкой иронией проходите по его творческим планам. К чему бы это? Оказывается, Климову не нравится «Комиссар». И Вас уже не смущает, что Ваш собственный фильм в западной прессе впрямую связывают с Эйзенштейном и Толстым, здесь Вы не видите «перекося». Вам уже неважно, что именно Союз кинематографистов и, в частности, тот же Климов боролись за то, чтобы извлечь из небытия фильмы и целые режиссерские биографии, что именно в результате этой борьбы оказались возможными Ваши нынешние триумфы в мире.

Вспомните о реальности, в которой мы жили совсем недавно. Оглянитесь вокруг теперь, где-нибудь между вашими премьерами в Стокгольме и Париже оглянитесь, — неужто ничего не произошло? Неужто и впрямь есть повод иронизировать над словами Климова о том, что кое-чего демократия в этой стране все-таки добилась?

Вместе с Вами вышли из небытия десятки талантливых людей нашего кино, литературы, театра, живописи. Они были жертвами, но они и боролись за себя и за других. Добились кое-чего своего. Сейчас ставят фильмы, спектакли, работают.

Вы в своих интервью рассказываете, как боролись за себя и свой фильм, в сущности, в одиночку. Я не думаю, что это вполне справедливо. И не думаю, что интервью, где Вы создаете злобещий образ прессы, упорно замалчивающей мужественного художника, помогают и без того трудному процессу восстановления взаимного доверия. Я действительно опасуюсь, что, усердно затаптывая то многое-немногое, чего удалось добиться в процессе возрождения у нас жизни нравственной, мы рискуем вернуться к тем же полкам, к новым сломанным судьбам.

Так родилось это письмо — Вам и одновременно тем, кто слушал Вас на пресс-конференциях. Если захотите прокомментировать или ответить, нет нужды ждать очередной пресс-конференции в Гонолулу. «Советская культура» готова предоставить Вам свои страницы.

В. КИЧИН.